

щения этой опасности. Иначе в ближайшем будущем с уверенностью можно предсказать возможность полной большевизации этой огромной страны.

В противоположность американскому империализму и II Интернационалу, рассчитывающим искоренить большевизм путем поддержки гоминдановских предателей в борьбе с китайской Красной армией, Лежандр рекомендует прямую интервенцию империалистических держав. Он предлагает создать интернациональную полицию численностью не менее четверти миллиона. Он советует захватить китайские железные дороги, «нейтрализовать» — иными словами, оккупировать бассейн реки Янг-Тзе, чтобы разрезать Китай на-двое. Но и такая оккупация Азии представляется ему недостаточной: необходимо отрубить голову. Голова — это Москва, призывающая народы сбросить с себя ярмо угнетателей и там, где свирепствовала война и эксплуатация, построить социализм.

«Вся опасность в том, что массы вдохновляются большевиками; без них азиатские массы не сумели бы организовать и не могли бы представлять серьезной угрозы. Из Москвы летят искры в азиатский пороховой погреб. Следует ли нам ждать, пока положение станет непоправимым?»

В Китае империализму все дозволено, — поучает Лежандр, — ибо империализм несет в Азию прогресс, материальное процветание, капиталистический распорядок. Если бы европейский колонизатор отказался от своей роли «кровителя» отсталых народов, что стало бы, — с тревогой вопрошает Лежандр, — с портами Индийского и Тихого океанов?

«Кто освещал бы побережье, содержал баке- ны и маяки, прокладывал каналы, строил до- ки, содержал топливные базы?»

Можем успокоить г-на Лежандра. Трудящиеся СССР показали не только, как содержать ба- кены и маяки, как проводить каналы и стро- ить доки, как устраивать топливные базы, — но и то, как пролетариат, строящий социализм, воздвигает невиданные еще по размерам пло- тины и самые мощные в мире металлургиче- ские заводы.

И вряд ли прислужникам капитализма давать им уроки организации экономики. Разве не знает доктор Лежандр о том, что при этой анархии, характерной для капитализма, в Бра- вилии владельцы кофейных плантаций сжига- ют урожай кофе, в других странах рыбу вы- брасывают обратно в море, жгут запасы хле- ба, — тогда как массы мрут с голоду? Разве не знает он о том, что в Соединенных штатах — стране промышленного прогресса — капитализм, обезумев от кризиса, отказывается от машин, чтобы вернуться вспять к системе «лопаты и заступа»?

Обо всем этом Лежандр знает, но умалчивает, как умалчивает о подвигах империализма в Ки- тае, о расстрелах в Шанхае и других городах, об эксплуатации детского труда, о семилетних детях, работающих по четырнадцати часов в сутки. Он умалчивает и о том, что импери- ализм усугубил феодальную эксплуатацию экс- плуатацией капиталистической, что он увели- чил безработицу и нужду масс, что по его вине кровь течет рекой, что это он, импери- ализм, поддерживал и разжигал генеральские войны, что это именно он является наиболее

могущественным фактором разложения и реак- ции, что он истребляет коммунистический аван- гард, цвет китайской трудящейся молодежи! Что принес капитализм Китаю? Янг-Тзе по- крылась пароходами, в Шанхае выросли не- боскребы, в Гонконге, в Кантоне воздвиглись гранитные крепости банков. И все это толь- ко на пользу их владельцам. Китайский народ попрежнему раздет и голоден, труд его опла- чивается нищенски. Достаточно поглядеть на бурлаков, тянущих суда по Янг-Тзе-Киангу.

«Разъедаемые чесоткой, с ногами, изранен- ными об острые камни, с никогда не зажи- вающими ссадинами от бичевы на плечах и и на пояснице — в городах их узнают по этим ранам, — эти несчастные после своего адского труда не имеют другого утешения, кроме опиума... Развитие пароходного сооб- щения не избавило их от нищеты — оно тол- кнуло их на обычную дорогу: нищий, бандит, солдат...» (Шандурн — «Китай».)

Коммунизм, единственная сила, несущая осво- бождение и цивилизацию, имеет в Китае боль- шой успех. Он распространяется к северу и югу от Янг-Тзе-Кианга, в Сечуане, в Хупе, и Хунане, на Киангси, охватывая территорию с 80-миллионным населением.

В Чиченге состоялся недавно первый Всекитай- ский съезд советов. Китайская Красная армия разбила этой зимой одиннадцать гоминданов- ских дивизий, из которых пять были целиком уничтожены. Теперь это уже не разрозненные местные столкновения, — это революционная война трудящихся Китая против своих и чу- жеземных поработителей.

У империалистов трясутся поджилки. От Ко- реи до Индо-Китая стоит стон поработаемых и истребляемых народов.

Мировой империализм лихорадочно готовится к решительному столкновению в последней на- дежде раздавить Советский Китай и Совет- ский Союз оплот всех трудящихся мира. И в то время как представители империалисти- ческих правительств отвлекают внимание масс болтовней о разоружении в Женеве, их неук- люжные адвокаты, вроде доктора Лежандра, разбалтывают их подлинные планы, указывая пальцем на того, по чьим указаниям действу- ет в Китае обнаглевший японский импери- ализм.

Жан Фревилль.

## СССР притягивает

Капиталистическая пресса и «марксисты» вро- де Розенфельда или Лора рьяно клеветуют на советский режим. Тем любопытнее сопоставить с их клеветническими выдумками свидетель- ство некоторых буржуазных противников ком- мунизма, наблюдавших на деле творчество со- ветского пролетариата.

Жозеф Дюбуа, побывавший в СССР и выпу- стивший недавно книгу под обещающим заго- ловком «СССР — новое человечество»<sup>1</sup>, — один из лучших буржуазных экономистов: он обла- дает обширными познаниями, острым пером и способностью излагать в привлекательной форме самые сложные проблемы.

книжное обозрение.

<sup>1</sup> Joseph Dubois — «Une nouvelle humanite: valois.



Но Жозеф Дюбуа не марксист, поэтому пружины многих явлений ускользают от него, и суждения его часто ошибочны. Он сравнивает, например, советский режим с идеальным государством Платона. Нет нужды доказывать, насколько нелепо подобное сравнение. В «Республике» Платона общество подразделяется на три категории граждан — управителей, воинов, ремесленников и базируется на рабстве; это строй восточных теократий, основанный на угнетении целых классов, обреченных на вечное подчинение и вечное невежество. Нет ничего более диаметрально противоположного советскому строю — этой наивысшей формы демократии, которую когда-либо знала история.

Дюбуа придерживается старых юридических норм буржуазной «свободы личности», знаменитых прав человека и гражданина (французский пролетариат и колониальные народы знают, что представляют собою эти пресловутые права и эта пресловутая свобода). Дюбуа чувствует по отношению к советскому строю «глубокое отвращение, ввиду уничтожения им индивидуальной свободы и ввиду проповедуемой им намеренной и всеобщей уравниловки». Ему кажется, что весь СССР — это казарма и монастырь, это ад и варевое коммунистических митингов. Между французским капиталистическим режимом и советским он видит «такую разницу, как между прогулкой по набережной Сены в яркий, солнечный день и поездкой в метро в часы наибольшей давки». В этом ясно сказывается точка зрения досужего парижского буржуа. Что касается парижского пролетариата, знакомого с метро только в часы давки, а в остальное время пребывающего в аду капиталистической каторги, то его мнение на этот счет, пожалуй, иное.

Дюбуа полагает, что «великие образцы коммунистической интеграции практикуются уже наиболее выдающимися магнатами капиталистического производства». Он ссылается на чехословацкого обувного короля Батю! Все это имеет целью смазать классовый пролетарский характер советского режима. По Дюбуа, так же как и по Доминику («Да, но Москва...»), переход к социализму возможен без разрыва с «прошлым свинством» (выражение Энгельса) — без пролетарской революции. Дюбуа проповедует за филистерами социал-демократии мирный переход от капитализма к социализму: этот режим организованного хозяйства может быть установлен самими капиталистами. Не требует ли бывший министр Летроке выработки пятилетнего плана для находящейся на краю гибели капиталистической Европы? Как и Пьер Доминик, Жозеф Дюбуа думает, что Россия пошла по специфически русскому пути развития, совсем необходимому для цивилизованных народов Запада.

«В советском коммунизме имеется непомерная доля мимикрии. Это стадо, которое жмется, потому что боится умереть от голода и холода. Оно является отражением самой природы и географии России... Советы индустриализируют свою страну по плану и в соответствии с самой природой».

Дюбуа, как и Доминик, ставит на одну доску фашизм и коммунизм:

«Дуче, который, как и Советы, командует

частью фронта бедноты, заботиться о том, чтобы стать выше личных интересов».

Дюбуа произвольно выстраивает в одну революционную шеренгу Ленина, Муссолини, Гитлера, противопоставляя их демократии — последнему убежищу общественного консерватизма.

Он полагает, что Америка раньше Германии освободится от пут капитализма, не потому, что соотношение классовых сил более благоприятствует американскому пролетариату, а потому, что Америка (то есть все классы американского общества) соблазнится великим примером Советской России.

Неверно утверждение Дюбуа, что «пролетариат везде требует пятилетки». Борющийся пролетариат капиталистических стран требует прежде всего низвержения капитализма и захвата власти. Только диктатура пролетариата даст ему возможность организовать плановое хозяйство. Дюбуа пытается уверить массы в возможности осуществления организованного хозяйства без диктатуры пролетариата, в возможности пятилетнего плана без пролетарской революции. Дескать, весь вопрос не в режиме и не в правящем классе, а лишь в тех или иных методах, применяемых независимо от социальной структуры данного общества. Суть Октябрьской революции, по мнению г-на Дюбуа и ему подобных, не в уничтожении буржуазии, а лишь в укреплении порядка и дисциплины и в повышении производительности. Г-н Дюбуа «забывает», что если советский пролетариат выполнит в четыре года пятилетку и требует еще большего повышения темпов производства, то это потому, что он чувствует себя хозяином страны. Можно ли себе представить пролетариат какой-нибудь капиталистической страны, дающий примеры такого ударного труда и трудового энтузиазма, какие дали нам герои Днепрестроя и Магнитогорска? Чудеса пятилетки возможны только в стране победной пролетарской революции, где труд становится эпопеей, приводящей в восхищение господ Дюбуа.

«Конторы, вербующие рабочих, открыты круглые сутки и напоминают призывные пункты добровольцев...»

Дюбуа не сомневается в продолжительности коммунистического режима. «Коммунизм, которому можно предсказать тысячелетнее существование...» В другом месте: «Эта перспектива едва ли не вечной жизни, которой обладает каждый коммунистический строй...» Нет в мире правительства более крепкого, более богатого достижениями, более облеченного доверием своего народа, чем советская власть.

Главная особенность этого «нового человечества» — это обожествление труда. Человек изгоняется коллективным сверхчеловеком. «Вся Советская Россия купается в море советских добродетелей». Нет безработицы: СССР широко открыл двери некоторым категориям безработных иностранцев. «Действительно, здесь нет места только нежелающим трудиться».

«Если бы Россия была капиталистической, — замечает Дюбуа, — она представляла бы в настоящий момент, в связи с понижением цен на хлеб и сырье, трудную финансовую и монетную проблему для международного капитализма». «Финансирование русской восстано-



вленной промышленности было бы невозможно иными методами, как именно этими методами самодеятельности масс, воодушевленных революционным энтузиазмом и бескорыстием».

Заключение экономиста, увлеченного высшей формой общественной организации, которую представляет СССР, звучит категорически: «Доказано, что марксистский опыт Ленина удался». Советы сделали ненужной частную собственность и уничтожили всех паразитов: «паразитизм трона, алтаря, придворной челяди, метрополитов, паразитизм денежного мешка и прессы, суетящихся вокруг собственности, как вокруг алтаря». Кризисы, разоряющие капиталистическое общество, стали здесь невозможны. СССР, возникший на развалинах полуфеодальной и отсталой России, догонит и перегонит передовые страны. Уничтожив капитализм, СССР возвысил достоинство человека.

Отметая клевету и небывлицы, распространяемые о цитадели мирового пролетариата издающимся капитализмом и его социал-демократическими лакеями, буржуазный историк увидел четко вырисовывающиеся перспективы ближайшего будущего, и ничтожные усилия империалистов кажутся ему в сопоставлении с этой перспективой смешными потугами, обреченными на поражение.

«Нынешняя французская критика, — констатирует Дюбуа, — полна лжи и низкой клеветы: это общественный позор...»

Книга Дюбуа о СССР — явление не единичное и глубоко знаменательное. Крах капитализма и небывалый рост первого социалистического государства стали фактами слишком очевидными, чтобы не привести задумывающихся над ними буржуазных идеологов к выводам, несомненно утешительным для их обреченного на гибель класса. Сознывая все неопровержимое превосходство советской системы над капиталистической, растерянные идеологи буржуазии, нашпигованные иллюзиями буржуазной демократии, ищут «выхода», ищут «среднего пути», который позволил бы сочетать буржуазную демократию с достижениями советской системы. Так как такого «среднего пути» нет и не может быть, «искатели», не принимая ленинского решения, неуклонно сбиваются на путь фашизма. Но несмотря на всю объективную реакционность пропагандируемых ими «разрешений», книги вроде «Нового человечества» Дюбуа характерны, как лишнее доказательство неопровержимой победы социализма, отраженной в кривом зеркале растерянного сознания лучших умов современной буржуазии.

Жан Фревилль.

## Краткое руководство для интервентов

Польская антисоветская литература обогатилась еще одной книгой: г-н Мацкевич, передовой монархистский публицист, редактор виленского «Слова», который недавно провел три недели в СССР, опубликовал свои впечатления под характерным заглавием: «Мысль в тисках.

Этюды по психологии советского общества»<sup>1</sup>. Г-н Мацкевич много говорит о своей «непредвзятости, весьма, впрочем, относительной». В действительности ему нельзя отказать в известной доле искренности, он, так сказать, ставит точку над «и». Эта откровенность выгодно выделяет его произведения из потока книг, написанных в «либеральном» духе, которые «в принципе ничего не имеют против социализма», авторы их сами даже готовы стать социалистами... если бы не различные «но». Поэтому сначала они проливают крокодиловы слезы над «поруганной великой идеей социализма», с тем, чтобы в конце еще громче кричать об «объективности» своих памфлетов. Виленский монархист, не скрывая своей непримиримой враждебности к СССР, сознается, что самым важным для него было определение обороноспособности СССР против военного выступления заграницы. Этой главнейшей задаче подчинены тем или иным образом все наблюдения, изложенные в книге.

Для достижения своей цели он находит, впрочем, уместным разоблачать, как вредное вранье, некоторые распространенные небывлицы о положении вещей в СССР (бытовые взаимоотношения, мнимое угнетение рабочих «комиссарами» и т. д.). Отказывается он также и от любимой выдумки «федералистов» о притеснении национальных меньшинств великороссами. Зато весьма цинично старается обрисовать «нищету» трудящихся и рабочих в СССР, распространяясь о благосостоянии... безработных в капиталистических странах. Об этом благосостоянии превосходно свидетельствует все возрастающее количество самоубийств среди безработных, а также люди, умирающие с голода, — очевидно, именно от благосостояния, — перед магазинами, ломящимися от переизбытка товаров.

С исключительной ненавистью и пафосом этот публицистический доверенный западно-украинских и белорусских аграриев говорит о культурных начинаниях в СССР, о массовом образовании рабочих и т. д. Все это для него является кричащей нелепостью. В лирических отступлениях оплакивает он борьбу с религией, стилизуя оптом всех «верующих» под «мучеников» первых времен христианства, причем сплошь да рядом впадает в комизм. Вот, например, трогательные образчики публики, посещающей московские костелы:

«Вот, опираясь на палку, идет старый, очень старый господин, в шубе с когда-то великолепным бобровым воротником. Ныне шуба потерта, у старого господина трясутся губы. Вот сходятся в костел старые женщины, в руках у них большевистская газета «Правда», они развертывают «Правду» и достают оттуда молитвенник какого-то давнишнего издания XIX века... Кто хочет действительно трогательных возвышенных впечатлений, пусть едет в Москву, пусть сходит к обедне... Министр Патек прослушивает, преклонив колени, каждую воскресную службу... Перед костелом стоял автомобиль с итальянским королевским флажком и два авто с национальными флажками французской республи-

<sup>1</sup> Stanislaw Mackiewicz, „Mysl w obcegach. Studja nad psychologia spoleczenstwa Sowietow“. Warszawa. 1931. F. Hoesick.